

ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Северо-Кавказский
регион

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2012

3

476381

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

23
2974

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

Регистрационный номер 011018

Комитета Российской Федерации по печати

Научно-образовательный и прикладной журнал

Издается с 1973 г.

Периодичность серии 6 номеров в год

№ 3 (169) 2012 г.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Алёшин С.В. Роль доверия в формировании пространства безопасности в процессе социального взаимодействия.....	5
Дауев Р.С. Взаимопроникновение культур – условие расширения культурного пространства.....	9
Дымченко М.Е. Понятие пассионарности в концепции Л.Н. Гумилёва: социально-философский аспект.....	12

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Радченко А.Н. Процесс трансформации системы трипартизма в Ростовской области на современном этапе.....	16
--	----

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ДАТЕ: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Агафонов А.И. Донское казачество в Отечественной войне 1812 года	19
--	----

ИСТОРИЯ НАРОДОВ ДОНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Гаджиев Т.В. Кавказский наместник А.И. Барятинский и образование Дагестанской области.....	29
Максименко В.Е., Яценко В.С. Погребение новотитаровского облика близ села Кулешовка Азовского района Ростовской области.....	33
Федько И.В. Эсеровские организации и группы на Дону в 1908 – 1910 годах: попытки возобновления революционной деятельности.....	36
Хасбулатова З.И. Взаимоотношения в семье в традиционном чеченском обществе (XIX – начало XX века).....	39
Яценко В.С. Группа погребений северной, кумо-маньчской периферии майкопско-новосвободненской общности Койсугского курганного могильника.....	43

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Баянова А.Т. Традиции книжной культуры калмыков в православных изданиях миссионеров.....	48
Дудин В.В. Древняя Русь и Дербент в VII – X веках.....	51
Ищенко А.С. Образ Владимира Мономаха в «Слове о погибели Русской земли».....	54
Казанцев А.С. Благотворительная деятельность И.И. Сикорского.....	58
Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства в отечественной дореволюционной марксистской исторической мысли.....	63

РОС. НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
С.-Петербург
03 20 12 экт 1676

**ЭКОНОМИКА:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ**

Бородин А.И., Киселева Н.Н. Многонаправленность институциональных изменений на пути к устойчивому развитию..... 68
Бурыка Д.В. Контроллинг: сущность, содержание и функции..... 72
Рожкова А.Ю. Особенности кластеризации экономики региона..... 76

ОБРАЗОВАНИЕ

Возженникова С.А. Синергетический подход к образовательному процессу как условие овладения технологией и выстраивания производственных отношений..... 82

ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

Машеро Н.Н. Функционирование несобственно-прямой речи в литературном нарративе в качестве воссоздающего элемента звучащей речи..... 85
Строганова О.А. О некоторых грамматических особенностях языка поэзии Хью Макдермида..... 87
Хазагеров Г.Г. Лингвистическая рецепция риторических идей: фундаментальный и прикладной аспекты..... 92
Шевцова О.Н. Художественность «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и метафоры как средство усиления выразительности исторического текста..... 95

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Кедрова И.В. – Долженко Г.П. Экскурсионное дело в высших учебных заведениях: история и методика обучения. Ростов н/Д, 2011. 134 с. 100
Клюкович З.А. – Некрасов В.Н., Алимханов А.А. Публичное управление как форма модернизации государственной политики обеспечения экономической безопасности России. Ростов н/Д, 2012. 108 с. 101
Мининков Н.А. Буржуазные реформы на Северном Кавказе в контексте историографического дискурса (*Кузьминов П.А.* Эпоха преобразований 50 – 70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. Нальчик, 2011. 536 с.) 102

НАШИ АВТОРЫ

Правила для авторов..... 108

УДК 930.1(091)

ТЕОРИЯ ВОТЧИННОГО ГОСУДАРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

© 2012 г. Л.В. Мининкова

Педагогический институт Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082,
rspu@pi.sfedu.ru

Pedagogical Institute of Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082,
rspu@pi.sfedu.ru

Содержится анализ основных положений теории вотчинного государства в трудах русских историков-марксистов дореволюционного периода. Эти положения включались в контекст анализа экономических и социальных отношений в Московской Руси. Московский государь как вотчинник аккумулировал в себе не только все функции управления. От его воли зависела собственность населения княжества-вотчины. Н.А. Рожков и Г.В. Плеханов заложили основы включения этой теории в марксистский социально-исторический анализ. Иную традицию заложил М.Н. Покровский. Он опирался на теорию торгового капитализма.

Ключевые слова: *теория вотчинного государства, русская марксистская историческая мысль, государь как вотчинник, теория торгового капитала.*

The article gives the analysis of the basic items of the theory of the baronial State in the Russian Marxist historians' works of pre-Revolutionary period. These items were included into the context of the analysis of the economic and social relationships in Moscow Rus. Moscow Tsar as the grate baron-landowner performed not only the functions of the government. He was the supreme owner of the property of the baronial State people. N.A. Rosshkov and G.V. Plechanov started to use this theory in Marxist social and historical analysis. The different approach was used by M.N. Pokrovsky. He based it on the theory of trade capital.

Keywords: *theory of the baronial state, Russian Marxist historical thought, tsar as the grate baron-landowner, theory of the trading capital.*

Теория вотчинного государства как одна из концепций, содержащих общее объяснение характерных признаков процесса формирования и развития в России государства и его властных структур, была высказана и обоснована еще в трудах историка и юриста К.Д. Кавелина. Она получила распространение в дореволюционной отечественной историографии. На базе этой теории открывалась возможность построения объяснительной модели, относящейся к более общей и исключительно актуальной проблеме истории России, для выявления общего и особенного в пройденном страной историческом пути за период от объединения русских земель вокруг Москвы до реформ Петра I и образования Российской империи. Во всяком случае теория вотчинного государства допускала неоднозначное истолкование явлений и процессов позднего русского средневековья и раннего нового времени. С одной стороны, вотчинное государство могло рассматриваться в качестве очень существенной особенности общественно-политического развития России по сравнению со странами Западной Европы, а также со странами Востока. С другой – в рамках этой теории допускалось выделение общих черт во внутренней жизни и в политическом устройстве русских земель и формировавшегося в ходе их объединения Московского государства с аналогичными явлениями в других западных и восточных странах за соответствовавшую эпоху в их историческом развитии.

Широкие возможности теории вотчинного государства для формирования различных объяснитель-

ных моделей привлекали внимание историков разных научных школ, философских и теоретических направлений отечественной исторической мысли. В частности, это относилось к марксистскому направлению отечественной историографии, которое стало формироваться на рубеже XIX – XX вв.

Ряд характерных черт марксистской социальной и исторической мысли предопределял интерес к теории вотчинного государства в целом и к отдельным ее элементам при условии встраивания их в контекст формационной и классовой метатеории, с позиций которой давалось марксистское объяснение истории. В этой связи теория вотчинного государства в полной мере давала возможность историку-марксисту соединить ее положения и выводы с выработанными на базе марксизма теоретическими представлениями. Это относилось к феодализму как общественно-экономической формации, к отношениям между классами общества и к объяснению форм социального протеста и способов подавления низших классов, к положению об относительной независимости верховной власти от интересов господствующего класса.

Вместе с тем привлекательность теории вотчинного государства оказывалась вполне очевидной для марксистского направления отечественной исторической мысли в связи с тем, что она открывала возможности для весьма обстоятельной и обоснованной критики некоторых характерных признаков и исторических традиций российской государственности, которые дожили до пореформенного периода истории

страны в качестве несомненного пережитка. Относились они к некоторым сторонам взаимоотношений между властью и обществом, к проблеме соотношения в России власти и собственности, причем актуальность последней опиралась на значительную роль государственной собственности и государственного капитала в пореформенной России. И если марксизм как социальная наука обращался к актуальной общественно-политической проблематике России того времени, то опора его на теорию вотчинного государства говорила о значительном месте этой теории не только в научном обосновании процессов, происходивших в истории России, но и в общественно-политическом движении своего времени.

Научная и общественно-политическая значимость теории вотчинного государства нашла, в частности, выражение в том, что обращение к некоторым ее положениям известного историка-марксиста Н.А. Рожкова пришлось на период первой революции в России, когда в 1906 г. вышел в свет его труд «Происхождение самодержавия в России». Принимая представление о вотчинной стадии исторического развития страны, которая, согласно К.Д. Кавелину, наступила в период от княжения Андрея Боголюбского во Владимир-Суздальском княжестве до княжения Ивана III в Московском государстве [1, с. 42, 48], Рожков наполнял ее новым содержанием. Это соответствовало новому уровню развития исторической науки на рубеже XIX – XX вв., когда вместо интереса к проблемам истории государства и права в России в центре внимания оказывается проблематика социальной и экономической истории. Как подчеркивал Рожков, в Северо-Восточной Руси XIII – XV вв. «хозяйство и социальный строй проникнуты были одним основным, вотчинным принципом: хозяйство организовывалось хозяином-вотчинником земли, в социальных отношениях главную роль играла неразлучимость политических прав с правом собственности на землю». В этой связи «управление княжеством рассматривалось как простой вид хозяйственной деятельности князя, который и в этой сфере старался всюду проникнуть своим хозяйским глазом, стремился вникнуть во все подробности подчиненного управления» [2, с. 231].

Просматривается принципиальное отличие взглядов Рожкова на вотчинный порядок управления по сравнению со взглядами Кавелина. Если с точки зрения историка-юриста Кавелина история России как процесс выражалась в развитии и смене государственных форм, то для историка-марксиста Рожкова государственная форма и государственное управление являлись лишь одной из составных частей экономической деятельности князя-собственника такого важнейшего средства производства, как земля. Собственность на средства производства, или базисная сторона в жизни общества, в соответствии с марксистской социальной метатеорией, определяла формы политического устройства общества. Осуществление же собственником властных полномочий вытекало из самих отношений собственности на землю-вотчину.

Кроме того, Н.А. Рожков принимал во внимание то обстоятельство, что не только власть вытекала из

признаваемого обществом права собственности князя-вотчинника на землю княжества, но и право других лиц, проживавших в пределах княжества, на землю также основывалось на воле этого князя. «При вотчинном характере княжеской власти, при взгляде на правительственные функции, как на предмет частной собственности, естественно представление о том, что со смертью старого князя теряют свое значение его обязательства охранять чужую собственность, и новый князь должен выдать новое подобное обязательство», – указывал историк. Отсюда следовала хорошо подмеченная им особенность вотчинного режима управления, при котором носитель высшей власти «выступал в роли простого нотариуса, брал на себя исполнительные функции простого незначительного подчиненного органа». И лишь «к концу удельного времени» положение постепенно меняется и «начинает устанавливаться обычай передавать гражданские сделки для нотариального укрепления какому-либо боярину» [2, с. 236]. В вотчинном государстве таким образом князь аккумулировал в себе все структуры управления, и даже технические. Такое замечание Рожкова представляется весьма точным и хорошо выражающим особенность этой системы власти и отношений ее с населением, а также существенный признак вотчинного государства.

Н.А. Рожков ставил вопрос о соотношении между вотчинным государством и самодержавием. Историк противопоставлял вотчинное государство на Руси, относя его к удельному периоду ее истории, и самодержавие. По его мнению, зарождение самодержавия относится «к концу удельного периода, когда обнаружались первые слабые ростки его». Отнес он это явление к периоду с конца XV в. до середины XVI в. и назвал его «первый, зачаточный период развития самодержавной власти русских государей» [2, с. 390]. Он таким образом полагал, что в это время имели место два процесса: уход в прошлое системы вотчинного государства и формирование самодержавия. С середины XVI в., когда Иван Грозный уже носил титул царя и начались реформы Избранной Рады, вотчинное государство, по мнению Рожкова, уже ушло в прошлое. Во всяком случае, если историк совершенно четко говорил о вотчинном государстве удельного времени, то, говоря об эпохе Ивана Грозного, он уже не упоминал о вотчинном государстве. Подобная точка зрения отличалась от взглядов В.О.Ключевского, который считал, что изживание такого государства происходило не при царе Иване Васильевиче, но в результате потрясений Смутного времени. Рожковым приводилась некоторая аргументация в пользу своей точки зрения. Заключалась она в том, что происходил разрыв с прежней «административной техникой», которую породила «политическая сторона верховной власти и высшего управления в России до конца XV века» [2, с. 247], имевшая место в вотчинном государстве. Аргументация представляет определенный интерес. Однако сама по себе она недостаточна для того, чтобы на основании внешних признаков судить об очень серьезных процессах, относящихся к сущности государственного строя страны.

Н.А. Рожков затронул еще один вопрос, принципиально важный для характеристики сущности вотчинного государства и соотношения общего и особенного в системе власти удельной Московской Руси и феодальной раздробленности в западных странах. В труде «Основные законы развития общественных явлений», вышедшем в свет в 1907 г., он указывал на общность в характере власти русских князей и западноевропейских королей. По его словам, «король в средневековой Европе или князь нашего удельного периода в своей правительственной деятельности выражали взгляд на власть как на предмет частной, личной собственности» [3, с. 445]. Указание Рожкова не случайно. Для марксистской метатеории характерно стремление к поиску общих закономерностей в развитии исторических явлений. Но, не принимая еще в то время вывод Н.П. Павлова-Сильванского о феодализме в удельной Руси, Рожков тем не менее не отказывался от положения о наличии общих закономерностей в историческом развитии Московской Руси и стран западного феодализма, которые выражались в характере власти московских князей и западных королей как владетелей-вотчинников. Как отмечал Н.А.Рожков, «не следует говорить о “феодальных отношениях” удельной Руси, как это делают некоторые исследователи... Феодальных отношений в удельной Руси не было, были налицо только их элементы, не вышедшие из первоначальной стадии развития» [2, с. 230 – 231]. Политический признак приобретал для него таким образом очень большое значение. В дальнейшем, однако, Рожков согласился с тем, что в удельный период на Руси существовали феодальные отношения.

Но еще большее значение явления политической истории приобретали в контексте характеристики вотчинного государства в России мыслителем-марксистом Г.В. Плехановым. В написанном им в феврале 1914 г. разделе о Московской Руси фундаментальной монографии «История русской общественной мысли» строю вотчинной монархии давалась оценка значительно более резкая, чем это было в предшествовавших трудах российских историков. При характеристике такого государства Плеханов обращал внимание не только на сложившуюся в отечественной историографии традицию, но на оценку его известным французским политическим мыслителем второй половины XVI в. Ж. Бодэном. Это было связано с конкретной исторической ситуацией. В условиях назревавшей в стране новой революции, актуализации вопроса о политическом строе и демократических свободах Плеханова привлекла точка зрения Бодэна о непосредственной связи между вотчинной монархией и отсутствием личных свобод. Как указывал Плеханов, важнейшим признаком вотчинной монархии является, «по учению Бодэна, отсутствие у подданных свободы распоряжения как своей личностью, так и своим достоянием» [4, с. 165]. Такое замечание весьма показательное. Плеханов тем самым ставил отношения собственности, в данном случае подданных вотчинного государя, на один уровень с отношениями, возникавшими на почве несвободы населе-

ния. В таком подходе проявилось творческое отношение Плеханова к теории марксизма, способность его с исключительной глубиной понимать не только букву, но и дух марксистской социальной метатеории. Так, ее важнейшим положением является то, что надстроечные явления, к которым относится государственная власть, строятся на прочной основе экономического базиса общества, который в свою очередь определяется характером собственности. Вместе с тем в рамках марксистской метатеории признавалась относительная самостоятельность надстроечных явлений и, в частности, государственной власти, по отношению к экономическому базису общества.

В вотчинном государстве, как обращал внимание Плеханов, отношения собственности, представлявшие собой базисное явление, оказывались в зависимости от характера власти вотчинника-князя надстройкой. Конкретным выражением этого был условный характер собственности подданных вотчинного государства, которая могла существовать лишь при согласии на это вотчинника-государя. Таким образом, сущность такого государства ставилась Плехановым в зависимость от положения населения по отношению к власти. Находило оно выражение в отсутствии его права частной собственности в том смысле, как это имело место в абсолютных монархиях западноевропейских стран, как и права распоряжения его своей личностью. В этой связи Плеханов справедливо замечал: «Абсолютная власть показала бы французскому третьему сословию несносным игом, если бы государь вздумал обращаться с имуществом своих подданных и с ними самими так, как обращается вотчинный монарх в своей стране» [4, с. 167]. Плеханов указывал таким образом на неразрывное социально-политическое единство собственности и свободы и вместе с тем на несовместимость их с всевластием государя-вотчинника. Очевидно в этой связи, что несовместимость состояния вотчинного государства с важнейшими характеристиками сущности человека и его культуры, которыми являлись свобода и собственность, была выражена Плехановым острее и четче, чем во всей предшествовавшей отечественной историографии. Отсюда возникала также основа для четкого обоснования того, что состояние вотчинного государства в России не ограничивалось хронологическими рамками удельного периода, как полагал Н.А. Рожков. Оно продолжалось и после объединения русских земель вокруг Москвы.

Более тесная связь с отечественной историографической традицией заметна при оценке Г.В. Плехановым предпосылок возникновения вотчинного государства. Так, для него было совершенно очевидно, что в XII – XIII вв., «при тогдашней подвижности князей», такого государства в русских землях еще не было. Сложилось оно, указывал он, несколько позже, «в удельных княжествах на верхневолжском севере, где дворцово-хозяйственная администрация слилась с центральным управлением, поглотила его» [4, с. 63]. Вотчинное государство как политическая система выводилось таким образом из экономического состо-

ания, из формы управления княжеским хозяйством. Это вполне согласовывалось с тем, что высказывал несколько ранее В.О. Ключевский в «Курсе русской истории», подчеркивавший: «По отношению к царю все его подданные считались холопами, дворовыми его людьми, либо сиротами, безродными и бесприютными людьми, живущими на его земле» [5, с. 64].

Вместе с тем Г.В. Плеханов вступал в полемику с В.О. Ключевским по принципиальному вопросу о продолжительности существования вотчинного государства в России. Историк-марксист выразил несогласие с мнением Ключевского, который считал, что после Смутного времени, начиная с царствования династии Романовых вотчинное государство стало уходить в прошлое. Плеханов при этом принимал точку зрения, распространенную в отечественной исторической мысли, согласно которой приниженное, холопское положение населения самым негативным образом сказывалось на государственном строе страны. Еще К.Д. Кавелин, основоположник теории вотчинного государства, подчеркивал, что в его основе лежало «начало холопства» [1, с. 49].

Плеханов развивал это положение. Он указывал, говоря о неспособности разных слоев населения Московского государства XVI – XVII вв. защитить себя от произвола власти: «Холопы не способны были дорасти и до ... мысли об ограждении прав высших классов общества какими-нибудь законными нормами» [4, с. 224]. Это, подчеркивал Плеханов, отмечали современники. Один из них обращал внимание на то, «как хорошо приспособились понятия москвитян ко внутренним отношениям вотчинной монархии» [4, с. 201]. В этой связи представляет интерес характеристика Плехановым протеста против самовластья Ивана Грозного его оппонента по переписке и решительного политического противника князя А.М. Курбского. По его оценке, князь не предлагал вносить какой-то новизны в архаичный московский политический строй. Вместе с тем вводимая царем «новизна означала полное уничтожение всего того, что так или иначе задерживало окончательное превращение жителей Московского государства в рабов перед лицом государя как в личном, так и в имущественном отношении. Вот почему Курбский, несмотря на свой несомненный консерватизм, представляется в своих письмах сравнительно свободолюбивым человеком и тем привлекает к себе сочувствие читателя». «В нем нет холопского настроения», но вместе с тем он «решительно не способен противопоставить последовательному учению Ивана о беспредельной власти царя сколько-нибудь стройную теорию политических прав, если не всех жителей страны, то хотя бы высших ее классов» [4, с. 193 – 194], – говорил о князе Курбском Плеханов. Таким образом, для него состояние вотчинного государства сохранялось и после объединения русских земель при Иване Грозном. Но и после Смуты, отмечал он, власть царя «в государственных делах ... оставалась беспредельной» [4, с. 224], что соответствовало традициям вотчинного государства.

Оценивая историческое место сложившейся в Московской Руси системы вотчинного государства в истории мировой политической культуры, Г.В. Пле-

ханов не разделял взгляда на ее уникальность. Со ссылкой на Ж. Бодэна русский марксист отмечал, что подобная система имела место еще в древней Персии, «где все принадлежало царю и где все жители были его рабами». Во времена Бодэна она «встречается в Азии, в Эфиопии и даже в Европе: в Турции, в Татарии и в Московии» [4, с. 165]. Но при этом Плеханов не относил такие государства к тираническим. «Тиран тот, кто попирает законы своей страны, а вотчинный монарх может быть вполне законным государем» [4, с. 165], – замечал он. Никакой позитивной оценки системы в этом не заключалось. Напротив, ввиду своего соответствия правовой традиции такая система обеспечивала для государственной власти еще более прочную власть над населением, чем исторически приходящая тирания. Вместе с тем Плеханов обращал внимание на различие между вотчинным государством и восточным деспотизмом. По его оценке, положение населения Московской Руси XVI в. было еще хуже и тяжелее, чем в деспотиях Востока. Объяснял он это внешним фактором, участием ее в войне против экономически более развитых стран Европы, тогда как странам Востока не приходилось в то время вести такой войны. Это заставляло власти предельно концентрировать средства на такую войну и «наложить гораздо более тяжелое иго на свое закрепощенное население» [4, с. 88], чем в восточных деспотиях. Так происходило в России во время Ливонской войны. По-видимому, это положение, высказанное Плехановым, представляет значительный интерес, однако оно нуждается в одной, по крайней мере, поправке. Такая восточная деспотия, как Османская империя, находилась в состоянии многовекового противостояния с западноевропейским миром, но ее положение в свете этой борьбы требует специального изучения. Теория вотчинного государства в Московской Руси в интерпретации Плеханова означала указание на глубину и прочность на русской почве исторической традиции политической несвободы и поголовного, или всеобщего, холопства.

Труд Г.В. Плеханова представлял собой образец марксистского исторического исследования, в котором теория вотчинного государства нашла свое место в анализе общественных отношений в Московской Руси, признававшихся в свете формационной марксистской метатеории в качестве отношений феодальных. В этой связи Плехановым была заложена одна из традиций в отечественной марксистской историографии, согласно которой теория вотчинного государства, зародившаяся в дореволюционной русской историографии, органично и прочно вписывалась в социально-исторический марксистский анализ. Вместе с тем примерно в одно время с «Историей русской общественной мысли» Г.В. Плеханова вышло в свет первое издание труда «Русская история с древнейших времен» другого русского историка марксистского направления М.Н. Покровского, в котором в отношении теории вотчинного государства формировалась совершенно иная традиция.

Если Н.А. Рожков теорию вотчинного государства признавал, если Г.В. Плеханов активно включал ее

положения в свой социально-исторический анализ состояния Московского государства, то М.Н. Покровский полностью исключал эти положения из характеристики состояния экономических и социальных отношений в период объединения русских земель вокруг Москвы. Так, Покровский вообще не видел какого-либо иного качественного состояния Московской Руси по сравнению с предыдущим, киевским периодом русской истории. Он указывал, что «говорить об особом “удельном периоде” русской истории не приходится. Та группировка феодальных ячеек, которой суждено было стать на место городских волостей XI – XII веков и которая получила название великого княжества, позже государства Московского, нарастала медленно и незаметно» [6, с. 208]. Таким образом, качественного изменения в состоянии русского общества и государственности на Руси Покровский не отмечал. Сам переход от Руси Киевской к Московской свершался, по его мнению, таким образом, что общество так и не уяснило свершившихся изменений. Переход на Руси от родового к вотчинному устройству являлся конструкцией историков, которую Покровский не принимал.

Сущностью процесса развития в Московской Руси был переход от феодальной формации к формации новой, более прогрессивной, которой являлся торговый капитализм. Поэтому в Московском государстве видел он вовсе не государство-вотчину великого князя московского, а затем русского царя. За политическими формами он видел социальные процессы, важнейшим и наиболее прогрессивным из которых являлось складывание буржуазных слоев населения. «Уже размеры московского посада заставляют несколько ограничить очень распространенное представление о Москве как разросшейся княжеской усадьбе», – отмечал историк, и далее указывал: «Как ни многолюдна была дворня московского князя, ей было далеко до десятков тысяч московских посадских, и, как ни соблазнительно видеть в Хамовниках, Бронных, Хлебных и Скатертных переулках следы слобод *дворцовых* ремесленников, осторожнее видеть в них московских двойников Плотницкого или Гончарского концов Великого Новгорода» [6, с. 242 – 243]. Замечание весьма показательное. В социальной структуре московского посада видел Покровский не часть вотчинного строя, но аналогию Великого Новгорода, не имевшего ничего

общего с вотчинным государством. И «когда московский посад выступает перед нами в XVI веке как политическая сила, она дает физиономию, тоже совсем не похожую на княжеских челядинцев» [6, с. 243], – подчеркивал он. В московском посаде видел Покровский не элемент вотчинного государства, но часть нарождавшегося буржуазного общества на первичной его стадии торгового капитализма.

Характеристика М.Н. Покровского представляет интерес. Вместе с тем в ней не имеется объяснения по поводу того несомненного обстоятельства, что отношения собственности в Московской Руси в руках того же посада носили в значительной мере условный характер и на самом деле ограничивались волей носителя верховной власти. Обращение же к теории вотчинного государства Г.В. Плеханова позволяло дать несравненно лучшее объяснение этого феномена взаимоотношений власти и общества в Московской Руси, или такую их характерную черту, как тесную связь власти и собственности.

Обращение русских историков-марксистов дореволюционного периода к теории вотчинного государства не только свидетельствуют об органичной связи ее с русской историографической традицией, но и о возможности использования положений этой теории для объяснения характера социальных отношений в стране, ее государственного строя и особенностей сложившихся в ней отношений власти и собственности.

Литература

1. *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России // Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 11 – 67.
2. *Рожков Н.А.* Происхождение самодержавия в России // Избр. труды. М., 2010. С. 211 – 419.
3. *Рожков Н.А.* Основные законы развития общественных явлений (Краткий очерк социологии) // Там же. С. 420 – 497.
4. *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли // Соч. М.; Л., 1925. Т. 20.
5. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч.3 // Соч.: в 9 т. М., 1988. Т. 3.
6. *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен // Избр. произв.: в 4 кн. М., 1966. Кн. 1.